

Александр Зорич

Четыре пилота

Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)

Александр Зорич

Четыре пилота

«Автор»

2007

Зорич А.

Четыре пилота / А. Зорич — «Автор», 2007

Название рассказа «Четыре пилота» недвусмысленно указывает на то, кто именно будет нести на своих мускулистых плечах лязгающую сюжетную машину. Однако в центре повествования вовсе не пилоты – Мамонтов, Ниткин, Пейпер и Саржев – но сама авиация (пусть и аэрокосмическая). Самые проникновенные словесные адажио этого текста посвящены ей, посвящены полету и всему тому, что делает его возможным: качествам летательных аппаратов будущего и качествам людей с этой техникой, считай, сросшихся. Их дисциплине, дерзости, куражу...

© Зорич А., 2007

© Автор, 2007

Александр Зорич

Четыре пилота

рассказ

Когда вылетали, был вечер по универсальному времени и утро на орбите. Над Киртой, космодромом назначения, входила в силу ночь.

Взвизгнула катапульта.

Перегрузка в шесть «же» волнующе ударила в голову и быстро отпустила. Волна крови прошла по рукам и ногам, упруго отозвалась печень, мгновенно поднялось настроение.

К положительным перегрузкам Тихон относился положительно.

Краем глаза он успел схватить искристую вспышку – это иней и пыль, которые авианосец выплюнул вместе с его «Орланом», заиграли в лучах местного солнца.

Солнце звалось Асклепием.

Вслед за выходом из катапультного порта последовали семь мгновений невесомости. Затем орбитальные двигатели дали отводной импульс. Авианосец в камерах заднего вида испуганно отпрыгнул назад.

– Доклад, – потребовал капитан-лейтенант Саржев, командир их пилотажной группы и заодно комэск-3.

Машина комэска шла впереди по курсу, справа. Еще два «Орлана» отирались где-то за кормой. Об их успешном старте можно было судить по зеленым иконкам на тактическом экране.

Первым доложил Тихон:

– Здесь борт три-семь. Все в норме, товарищ капитан-лейтенант.

В строевую эскадрилью он попал меньше месяца назад и к рутинной механике радиообмена относился бережно.

– Три-два, норма.

– Три-три, иду плавно.

– Рад за всех. Поставить автоматику на отработку навигационной задачи, – приказал Саржев.

Включили автопилоты, снова доложились.

С этого момента и до перехода на горизонталь в районе космодрома назначения можно было курить. Автопилот везет!

Курить, впрочем, запрещалось. Впереди простирался битый час ничегонеделанья.

– Так вот история, – сказал Ниткин. – Если командир разрешает, конечно.

– Исполняй, – соблаговолил Саржев.

Историю свою Ниткин начал на борту авианосца. И он не был бы Ниткиным, если бы не нашел для этого самое неподходящее время и самое неудобное место: в ангаре, за полминуты до подачи на катапульты.

Истории Ниткина подчинялись строгому драматическому канону, которому позавидовал бы и Аристотель.

В экспозиции присутствовали лирический герой (Ниткин), девушка и некий барьер, препятствующий взаимному и бурному проявлению чувств. Чаще всего барьером служили прилавок магазина, кассовая выгородка или барная стойка. Но случались и экзотические коллизии: например, рухнувший истребитель. (Ниткин, в отличие от Тихона, воевал.)

Главным элементом завязки служили взгляды, которыми обменялись герой и героиня. Затем следовало стремительное развитие сюжета: ловкая острота, благосклонное девучкино мяуканье, борьба с трудностями, преодоление препятствий, хитроумное уклонение от патру-

лей во время комендантского часа... Карабканье по лозам декоративного винограда на восьмой этаж общежития... Прыжки в ласточкино гнездо диспетчерской под городским куполом при помощи импровизированного реактивного ранца из двух огнетушителей – благо, на Луне такое возможно; гипотетически.

А один раз Ниткин – или, точнее сказать, его лирический герой – оставил кабину своего пассажирского флутгера на второго пилота и полетел через открытый космос к воздушному шлюзу орбитальной гостиницы, где дожидалась его очередная ненаглядная.

Кульминация у произведений ниткинского разговорного жанра была катастрофическая. Виноградная лоза лопалась. В огнетушителях заканчивалась смесь. В системе охлаждения скафандра открывались течи.

Благодаря находчивости и сметке герою удавалось спасти свою драгоценную жизнь и даже не покалечиться, но вот соединение сердец каждый раз срывалось. Так что мораль у ниткинских историй выходила неожиданная. Получалось, что все его истории – это само христианское «не прелюбодействуй» в химически чистом виде...

Однако, в тот вечер история выбилась из канона, как истребитель «Орлан» – из техзадания Генштаба.

Когда они надевали летные гермокомбинезы (в военное время ими стали бы боевые скафандры «Гранит-2», но сейчас ограничились легкими «Саламандрами» жизнерадостного желтого цвета), Ниткин спросил:

- Кстати, мужики, а знаете, как называется праздник?
- День Колонии, – Пейпер пожал плечами; дескать, «ты бы еще про дважды два спросил».
- А на самом деле? – уточнил Ниткин.
- Что значит «на самом деле»?
- На самом деле – День Мутанта.
- Чего-о?

– Там целая история. Махаон заносили в Реестр очень давно, по упрощенной процедуре. Недообследовали планету наши ученые в погонах, недоглядели. Прислали сюда колонистов, они тут поселились, начали города строить, рожь с кукурузой сеять. Тритий вырабатывать, литий... Влюбляться, жениться. Дети пошли... Местного разлива, так сказать. Лет через двадцать-тридцать у детей тоже дети образовались...

«Пилотажной группе готовность номер два», – объявил офицер-диспетчер.

– Кончай трепаться. Присядем на дорожку, – и Саржев первым подал пример, опустившись на массивный стопорный башмак под носовым шасси своего «Орлана».

Ниткин попал на флот из-за войны, по мобилизации. До этого он десять лет отлетал пилотом пассажирского флутгера на линиях Солнечной системы. Имел благодарности, пользовался авторитетом в коллективе. Но после очередной своей истории с неуловимой моралью был все-таки выпорот на общем собрании летного отряда и переведен на Екатерину, где получил малопrestижную должность орбитального перевозчика.

Там, на Екатерине, его застала война.

Ниткину повезло ускользнуть из-под клонского десанта, попасть на борт последнего транспорта и вернуться на Землю. Потом – Подольская летная школа (специальность – пилот-штурмовик), звездочки лейтенанта, два месяца войны, «Отвага» за Паркиду...

Под ожидаемое сокращение летного состава после войны Ниткин не попал. Хотя Конкордия подняла лапки вверх, о сокращении поговорили-поговорили да и забыли. А когда в штурмовом полку Ниткина провели конкурс на лучший пилотаж, он неожиданно показал звездные результаты, легко перефигуряв всех сослуживцев, включая комполка.

За это Ниткину предложили перевод в истребители.

Пилотирование истребителя считалось в ВКС, конечно, работой очень престижной, но всё же – с некоторыми оговорками. Скажем, пилотам-штурмовикам платили больше, наград-

ные листы на них составляли охотнее и, в конечном итоге, их рост по служебной лестнице шел быстрее.

И все-таки Ниткин согласился.

Почему? Да потому что «на гражданке» в таких нюансах никто не разбирался и ни о каких штурмовиках слышать не хотел. Военный пилот непременно летает на истребителе с красивой, агрессивной эмблемой. Под носовым обтекателем его боевой машины – распахнутая акулья пасть. Полфюзеляжа залеплено звездочками – по одной за каждого сбитого супостата. Вот это пилот! Ну а Ниткину только того и надо было.

Подводя итог, Ниткина можно было охарактеризовать так: личность, полностью поглощенная своей личностью.

Тихон подумал, что лучше бы Ниткин снова про полет к девчонкам на воздушном шаре рассказал. А он вместо этого – «День Мутанта»... Как бы чего не вышло.

– И вот когда у колонистов на Махаоне пошли внуки, – продолжил Ниткин, – обнаружилась напасть. У каждого второго новорожденного – два сердца. Одно сердце слева, где обычно. А другое – симметрично ему справа.

– Так ты про антроподевиантов, – безразличию Пейпера не было предела. – Про них все знают.

– И что же ты про них знаешь? А, Ваня? – ядовито осведомился Ниткин.

Пейпер носил имя Иоганн, но Ниткин всегда звал его на русский манер.

– Что они существуют. У них два сердца. И, кстати, живут они очень-очень долго. Еще знаю, что адмирал Канатчиков родом с Махаона. И он тоже антроподевиант.

– А еще?

– По-моему, достаточно.

– Ага. «Достаточно»... «Живут долго»... Это они теперь, Ваня, живут долго. А тогда мерли, как мухи. Поэтому ты бы лучше слушал старшего товарища и не того. Не особо тут.

– Давай ближе к делу, Ниткин, – попросил Саржев. – Нам в атмосферу скоро входить. Мусор в эфире во время этой ответственной операции я не потерплю.

– А пусть он не перебивает.

– Старший лейтенант Ниткин, приказываю продолжать рассказ!

– Есть!.. Так вот, образовалась у них проблема. Серьезная-пресерьезная. Потому как дитё, у которого два сердца, жить не хочет. Там внутренний конфликт в нервной системе выходит. И получилось, что колонисты на Махаоне не могут нормально размножаться. Любая пичуга махаонская – может, любая мышь завозная – может, а они – нет. Обидно!

– А я вроде читал, что были случаи на Земле, когда люди с двумя сердцами рождались, – вставил Тихон. – Давно еще. Тысячу лет назад! И жили ведь как-то.

Ниткин шумно вздохнул.

– Не знаю, где ты это читал. Но только на Махаоне всё было именно так, как я рассказываю... Взрослые вы люди и сами понимать должны, что возникло много вопросов. Как научного, так и организационного свойства. Научные вопросы все были «как?», «почему?» и «что делать?», а организационные – «кто виноват?», «кого сажать?» и «на сколько?». С оргвопросами кое-как разобрались, а с научными... Стала наша медицина думать как победить слепые силы природы. И, между прочим, думала двадцать лет. А пока она думала, колония Махаон успела поднакрыться медным тазом. В социальном и астрополитическом смысле. Кирта, говорят, стала похожа на Чикаго двадцать второго века – ряды брошенных домов и одинокая милицейская машина перед горсоветом. И уже почти-почти Совет Директоров подписал указ о ликвидации колонии как постоянного человеческого поселения... Когда некто Зиновий Щербат, уроженец, между прочим, Махаона, но в первом, немутантном поколении, наконец завершил возню в своей лаборатории с генетическими цепочками и математическими моделями. И была у него супруга, Софья Щербат-Растова. К слову сказать, сестра одного из прапрапрадеду-

шек Председателя Растова. Но последнее, впрочем, никак к нашей истории не относится. И вот... Пошли Зиновий и Софья на научный подвиг и зачали ребенка. Безо всякого искусственного оплодотворения, самым прямым и естественным образом. Так сказать, во имя науки и человечества.

– Мораль давай, – потребовал комэск. – Атмосфера уже на носу.

– А какая тут мораль? Смех один! Делают они ребенка – рождается нормальный. С одним сердцем. Делают второго – снова нормальный. Ищут добровольцев – добровольцев нет. В общем, только четвертый отпрыск этих самых Щербатов получился правильный... То есть с точки зрения научного эксперимента правильный, а так – антроподевиант. О двух сердцах. И вот на нем Зиновий Щербат свою методику опробовал – и всё получилось! Мальчик выжил. И вообще, оказался очень здоровым. Назвали, кстати, Махаоном. В честь родной планеты и одноименного мифологического персонажа, который тоже был сыном врача. И сам врачом стал, кстати.

– Махаон Щербат, – произнес Пейпер, как бы пробуя имя-фамилию на вкус.

Тихон с Саржевым хихикнули.

– Ну и Махаон, ну и Щербат. Ничего смешного. День Мутанта, короче, отмечают в день его рождения. А методика, которую изобрел его отец, была потом стандартизована. Выживаемость антроподевиантов стала почти стопроцентной. И на Махаоне снова все закрутилось-понеслось, потому что колонисты уже ничего не боялись.

– Что же там за методика, а?

– Ну не методика... Генно-нейронная технология, если точно. Щербат придумал как при помощи специальных, полезных таких вирусов перепрограммировать нервную систему антроподевианта. Таким образом, чтобы организм воспринимал оба сердца как родные.

– Наука сия зело генна и вирусна есмь, – подделываясь под старообразного муромца, заключил Саржев. – Закрываем радиовахту, товарищи, атмосфера пошла.

* * *

Гашение скорости в атмосфере прошло нормально, но на эшелоне двенадцать тысяч местная весна показала норы.

Их группа в пологом пикировании как раз проходила утренний сегмент терминатора, направляясь на ночную сторону планеты. Асклепий по подбородок ушел в курящуюся недобрыми рыжими хвостами облачную квашню.

– Внимание, турбулентность, – почти хором предупредили Ниткин и Саржев.

Через секунду уже невооруженным глазом стало видно, что хвосты над облаками колыхаются, как водоросли на дне беспокойной речуги.

Удар по днищу – будто огромной влажной тряпкой.

Всполошились цифры на указателе угла пикирования.

Да, турбулентность.

– Оставаться на автопилоте! Строго!

Тихону уже доставало опыта, чтобы понимать, что этот приказ адресован в первую очередь ему, ведь Саржев знает: именно опыта Тихону и недостает. Если его «Орлан» сейчас круто заштопорит, только кристальное сознание автопилота сможет вытянуть машину на горизонталь.

Сам Саржев делает это играючи и вручную. Почти наверняка из любого положения выведет свою машину Ниткин. Скорее всего и достаточно опытный лейтенант Пейпер тоже. А вот относительно Тихона уверенности нет. И не только у Саржева, но и у самого Тихона.

Автопилот, как и ожидалось, в своей спонтанности, непредсказуемости и безупречности мог бы соперничать с лучшими мастерами старорусской борьбы «самбо». А потому автопилот

поначалу поддался враждебному натиску. Он не ринулся без оглядки в схватку с аэродинамическими силами, но временно верил «Орлан» под их начало.

Потворствуя стихии, флуггер вошел в пологий плоский штопор.

С глухим хлопком на бронестекло фонаря навалилась глухая мгла – машина ввинтилась в облака. Мир почернел решительно и бесповоротно.

– Вдобавок еще и гроза... – пробормотал кто-то в наушниках.

Автопилот больше не желал довольствоваться скоростью пикирования в какие-то жалкие двести метров в секунду. Он рывком поднял тягу двигателей.

Тихон непроизвольно охнул. Отрицательные перегрузки он, как и любой нормальный человек, ненавидел.

– Три-семь, что там?

– Норма... товарищ капитан... лейтенант.

– Автопилот ведет?

– Несет.

– Молодца. Доложишь, когда будешь на горизонтали.

– Так точно.

Когда скорость поднялась до трехсот, автопилот на очередном витке штопора поймал момент оптимального распределения сил с учетом направления ветра. Присвистнули газодинамические рули и одновременно с ними, хорошенько встряхнув флуггер, включились маневровые дюзы. Яркая вспышка подсветила изнутри тучевую трясину, которая привиделась Тихону жирной и комковатой, как чернозем.

Разомкнув кружение смертного вальса в размашистую дугу, «Орлан» некоторое время продолжал снижение. Они (Тихон именно так думал – «они»: он, «Орлан», автопилот; их трое) нащупывали нижнюю кромку облаков, которую метеосводка из Кирты обещала довольно высоко, на полутора километрах.

То, что они уже пробили облачность и перешли в горизонтальный полет, Тихон понял только по показаниям приборов, с заметным запозданием. По ощущениям, «Орлан» двигался вверх и притом с креном на правый борт. Это был типичный вестибулярный фантом, ничего страшного. Но Тихону стало обидно: их ежедневно потчуют сеноксом и прочими снадобьями ценой в среднюю медсестринскую зарплату, а в конечном итоге тело всё равно из раза в раз обманывается.

– Здесь три-семь, иду один двести, строго по горизонту.

После того как Саржев справился о делах у Ниткина и Пейпера, а затем, не дождав-шись второго ответа, десятикратно повторил запрос в адрес Пейпера, стало ясно, что лейте-нант исчез. По крайней мере, из эфира.

Вот так: вошли в облачность четыре борта, а вышли – три.

Наклеывалось ЧП. И притом серьезное.

Тихон попробовал вспомнить, что на этот счет гласят инструкции о групповых полетах. Не вспоминалось ничего.

Но Саржев был на то и комэск, чтобы знать и помнить побольше Тихона. Он приказал стать на круг ожидания и включить боевые радары.

Затем командир связался с авианосцем и Киртой. По правилам, их группу должны были вести. Соответственно, не одно так другое всевидящее око здешней противокосмической обо-роны сопровождало флуггер Пейпера – и могло точно указать место куда он упал; не дай бог, конечно.

Третью часть Тихон провел на нервах. Остервенело переключал режимы радара, пробовал докричаться до флуггера Пейпера через запросчик «свой-чужой», нащупать его обломки на земле инфракрасными сенсорами.

Без толку.

Ему было очень неуютно. С одной стороны, Пейпера уже могло не быть в живых. Сорвался в штопор, психанул, взял управление на себя, попробовал вывести машину вручную, где-то ошибся и... вошел в землю на сверхзвуке. А учитывая сколько здесь, под ними, рек, озер и болот... Можно и обломков-то никогда не найти. Эхе-хе.

С другой стороны, «есть варианты». Например: сорвался в штопор, психанул, взял управление на себя, попробовал вывести машину вручную... понял, что черта с два... катапультировался... нормально парашютировал до земли (нормально? с таким-то ветром?)... а теперь сидит на кочке, вполголоса матерится, курит, заслонив огонек сигареты от дождя... впрочем, он не курит. Да и насчет кочки вопросы – учитывая сколько здесь рек, озер и болот...

Но не от этого было Тихону неуютно. А от того, что до Кирты еще под тысячу кэмэ, это значит если без фанатизма – минут сорок лету, а сказать «погода дрянь» значит ничего не сказать. И что себе вообще думали флотские метеорологи, которые давали разрешение на вылет? А главное, кто утверждал маршрут снижения прямо через грозовой фронт?

Кто-кто... Кавторанг Жуков, замкомкрыла по летной подготовке.

– Здесь Саржев. Есть контакт с Пейпером. Его запрос о помощи принят одним из наземных узлов связи. Триста километров от нас на восток. С ним все в порядке, катапультировался, сидит на кочке, курит, ждет спасателей.

– Ну его и занесло, – вздохнул Ниткин.

– Пейпер не курит, – не удержался Тихон.

– Но это еще не все, братцы, – продолжил капитан-лейтенант. – Погода над Киртой резко портится. Окно над космодромом закроется минут через сорок – сорок пять. Я принял решение поднажать. Рванем туда на двух с половиной «эм». Так – успеем. Иначе придется идти на запасной. Это далеко. И погода там тоже не ахти.

– Разрешите вопрос?

– Ну.

– Неужели мы в Кирте можем не сесть? Мы. В Кирте. А, командир?

Ниткин, конечно, намекал на то, что «Орлан», с его великолепными посадочными характеристиками, и Кирта, с ее первоклассным космодромом, были созданы друг для друга. Представить себе ненастье, при котором Кирта закроется на прием, было... было за пределами воображения опытного пилота.

– Предлагаю смотреть на вещи по мере их овеществления, – ушел от ответа Саржев.

* * *

Кирта их не приняла.

Над космодромом ярился шквал. Ливень зарядил такой, что земля, которая в окрестностях Кирты на мгновение выдала себя ниточкой огней вдоль шоссе, сразу же исчезла.

Конечно, привести вслепую флуггер на посадку можно было. Да он и сам пришел бы – для автопилота подобная задача не составляла труда. Но: сцепление колес с полосой в такую погоду было никудышным. При сильных порывах бокового ветра (а порывы были и еще какие) даже «Орлан» в точке касания мог закапризничать. Закозлить, перевалиться со стойки на стойку, зачерпнуть консолью полосу...

Убиться может и не убьешься, но машину угробишь запросто.

– А кому оно надо? – рассудил Саржев. – Можно подумать война.

Не война, это точно. В войну садились и не на такое. Тихону, конечно, не довелось, но наслушался бывалых и учебных фильмов насмотрелся...

– Идем на запасной.

– А может лучше обратно на орбиту? – предложил Тихон. – Там-то погода всегда летная.

– Обратно на орбиту нам уже топлива не хватит, извини... – Ответ Ниткина прозвучал вызывающе-весело и по этому признаку Тихон безошибочно определил, что дела действительно плохи.

Он хотел было уточнить насчет топлива, но бросил взгляд на приборы, прикинул, что они далековато от экватора (где первая космическая чуть-чуть меньше, но этого «чуть» им, пожалуй, сейчас и не хватает для бегства на самую низкую, плохонькую орбиту) и промолчал.

Запасных космодромов было два. У одного полоса была подлиннее, но ветер на маршруте обещал быть встречным, что означало лишний расход топлива. Пришлось выбирать вариант похуже, какую-то дыру с названием Нерская Губа, с короткой полосой и пометой на карте возле названия населенного пункта *нежил.*, то есть «нежилой».

Саржев связался с Киртой, запросив разъяснений.

– Они на карте еще *законсервир.* забыли написать, – сказал он через минуту. – Есть там полоса и приводные маяки, сесть можно. Но космодром выведен из регулярной эксплуатации.

– И что из этого следует? – с обстоятельностью литературного героя полюбопытствовал Ниткин.

– Отставить следует, – проворчал капитан-лейтенант. И, посуровев, сказал:

– Группа, слушай приказ...

* * *

Персонал законсервированного космодрома ВКС «Нерская Губа» состоял из восьми человек. В их распоряжении имелись шестнадцать машин: буксировщики, топливозаправщики, оружейные транспортеры, один снегоуборщик и один трофейный клонский вездеход для познавательно-увеселительных поездок в тундру.

Таким образом, ровно по две машины на человека.

– Механизация двести процентов, – Ниткин одобрительно постучал по колесу оружейного погрузчика носком гермоботинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.